

Труд - 1996 - 10 июня - с. 6.

КУЛЬТУРА

Михаил КОЗАКОВ:

ЖИВУ В ИЗРАИЛЕ, ДУМАЮ О РОССИИ

Даже если бы Михаил Козаков сыграл в своей жизни только две роли — Гамлета (1956) и Фауста в телевизионной постановке 1986 года, то и тогда о нем можно было бы говорить как о большом артисте. Однако работы эти разделяют три десятилетия, вместившие немало ярких ролей, а после Фауста было еще десять лет творчества в кино, на телевидении, в театре. В том числе и на «земле обетованной», откуда он сегодня наезжает на родину — поиграть со своей «Русской антрепризой».

— Михаил Михайлович, в последнее время вы зачастили к родным пенатам, выступаете не только в Москве, Петербурге, но и в странах Балтии, в Украине. Потянуло домой? Или иные причины?

— Я живу в Израиле уже четыре с половиной года. Приехал туда с семьей: женой, ее родителями и маленьким Мишкой. Девять месяцев назад появилась на свет его сестренка Зоя. Жить в Израиле нелегко. Работать тоже. Привычной нам театральной культуры там нет. Зато много гастроляров, очень именитых. Приезжают Плисецкая, Васильев, Эйфман, Аббадо, Кисин, Майкл Джексон, Мадонна, Пугачева и Киркоров... Выходцы из России и бывших республик чаще, чем дома, могут видеть на гастролях самые знаменитые драматические театры. Но Израиль — маленькая страна. На русском языке здесь можно сыграть десять, от силы сорок спектаклей. Это будет примерно то же, что в Москве — четыреста, но на этом русскоговорящий зритель кончается. Надо ставить другой спектакль, разъезжать. Что мы и делаем.

— В вашем репертуаре «Возможная встреча» П. Барца, где заняты практически два актера — вы играете Генделя, а В. Никулин — Баха. И рядом же другой спектакль, где принимают участие, кроме вас, О. Аросева и Т. Догилева. Каждый из артистов способен собрать полный зал. Зачем же такая «роскошь»? — Зрителям перестали нравиться

ся пьесы с двумя действующими лицами. Более того, им нужны созвездия. Уж если Ширвиндт, то и Державин. Одной, условно говоря, Гурченко тоже маловато. Надо кого-либо еще, не менее популярного. Вот и крутимся. Без спонсоров, без помощи государства: моя жена — мой антрепренер. Мы занимаем деньги, вкладываем их в проект. Иногда везет, и мы их возвращаем. Я говорю актерам: не играйте «в полноги», каждый спектакль — как последний. Тогда будет результат.

— Я недавно снова перечитывал вашу книгу «Фрагменты». Там даже снимки складываются в подобие жизненного сюжета. Молодой красавец Гамлет, размышляющий о смысле бытия. В конце — старый Фауст...

— Этой книге уже много лет, по сути она — сокращенный вариант «Рисунков на песке». Даже в 1989 году ее «причесывали». Про Солженицына и Бродского упоминать было всерьез нельзя. А теперь, живя в Израиле, я снова пишу о России. В «Знамени» публикуются фрагменты из новой книги «Третий звонок». Она не только об Израиле. Там много об Арсении Тарковском, о Давиде Самойлове, о Бродском. И о молодости тоже. Ведь раньше как было — одна роль в кино — и ты уже популярен. Сейчас знаменитостью стать трудно.

— Страсть к писательству — это у вас — потребность или наследственное, фамильное?

— Писательство, как и режиссура, конечно, не моя основная профессия, скорее — один из способов самовыражения. Что же касается семейственности, то здесь пути Господни неисповедимы. Знаете, ведь я чуть не стал внуком Шолом-Алейхема. К моей бабушке сватался в давние времена студент с незатейливой фамилией Рабинович. Ему отказали. А это и был будущий великий писатель. Любовь к литературе, к стихам привил мне не только отец. А еще и Эйхенбаум, Мариненгоф, Шварц, Зощенко, Анна Ахматова.

— Ваши герои чаще всего получают «отрицательное» обаяние. Есть даже такой термин в

актерской практике. А вы сами — добрый человек? Любите людей?

— По природе — да, безусловно. И мой маленький сын открыт людям. Это меня пугает. Мне 62. Сколько еще я смогу его защищать? Кажется, я всегда старался по-доброму относиться к ближним, проявляя наивность и даже глупость. Жизнь-то учила обратному. Я стал одно время побаиваться людей, внушал себе, что воспринимаю их неадекватно. Но природа брала верх. Часто нарывался на хамство, скепсис, насмешку. Моя мама любила повторять: чего так много было у Петра I и так мало — у Миши Козакова? Терпения. С годами я стал терпеливей. Я умею прощать. Но иногда взрываюсь. Сделать плохого не смогу. Наговорить — смогу. Может быть, поэтому я меньше верю словам, чем делу.

— Вы часто встречались с великой литературой. Никогда не пытались представить себя, скажем, на месте Фауста?

— Продать душу дьяволу? Никогда бы на это не пошел. Никакой сделки. Другое дело, что, пока мы живы, с нами и Бог, и Дьявол. Как разделить в себе одно от другого? Дьявол силен, хитер. Иногда тебе кажется, что совершаешь божеское. На самом же деле — наоборот. Истина всегда ускользала от нас, а сейчас — тем более.

— Что есть истина для человека театра? Пьеса, с которой он выходит на сцену, к людям?

— Для меня вопрос выбора пьесы сегодня — самый главный. Он даже важнее, чем выбор режиссера. Я устал и ставить, и играть. Но будущий режиссер должен мне принести пьесу демократичную, доступную для восприятия. Поэтому я не буду у себя играть Беккета, Ионеско, Сартра. Мне нужно, чтобы меня понимали и в Москве, и в Иерусалиме, и в Запорожье. Бродский как-то сказал, что любителей поэзии среди жителей нашей планеты примерно один процент. Любителей театра, наверно, в два — три раза больше. Но я хотел бы играть и для остальных.

— А поэзия? Что она для вас сегодня?

— С возрастом мне стало легче читать с эстрады Тютчева, чем Лермонтова. Включил бы в программу Пушкина, Ахматову, Бродского. Может быть, еще Ахмадулину или Шпаликова.

— Вы живете в Израиле, вернувшись лицом к России. Для вас это драма или нормальное состояние?

— Наверное, это естественно для человека, который привык к четырем временам года, к тому что письма пишут слева направо. В Иерусалиме снег не долетает до земли и можно пройтись по дорожке, где шагал Иисус Христос. Но русское влияние в Израиле очень ощущается. Культура Израиля тоже во многом идет от нас. Потому для меня и в Иерусалиме «свет во тьме светит».

Вел беседу
Александр ЧЕПАЛОВ.